

Интервью Людмилы Щипахиной газете «Труд» «Я была влюблена в Фиделя Кастро»

Category: Kitarcy

написано kitarcy | 25 января, 2025

Интервью Людмилы Щипахиной газете «Труд» «Я была влюблена в Фиделя Кастро» ИНТЕРЬВЮ ЛЮДМИЛЫ ЩИПАХИНОЙ ГАЗЕТЕ «ТРУД» «Я БЫЛА ВЛЮБЛЕНА В ФИДЕЛЯ КАСТРО»

ИЗВЕСТНАЯ ПОЭТЕССА УВЕРЕНА, ЧТО ЖЕНЩИНАМ ТРУДНЕЕ ПРОБИТЬСЯ В ЛИТЕРАТУРЕ

Людмилу ЩИПАХИНУ хорошо знают в лицо не только любители поэзии. Многие помнят ее как ведущую популярного телевизионного клуба «Москвичка». Кроме того, Людмилу Васильевну можно смело записывать в профессиональные путешественники: она объездила едва ли не весь мир, еще совсем

юной девушкой совершив настоящее кругосветное плавание. И все-таки главным для нее всегда были стихи...

– Людмила Васильевна, как вы решили стать поэтом?

– Я родилась на Урале, в Свердловске. Первые стихи, сочиненные в пять лет, помню до сих пор, но читать кому-то не решаюсь... После войны отца перевели восстанавливать Сталинград. Я продолжала писать стихи, декламировала их на школьных вечерах, печаталась в местных газетах. Потом стала студенткой пединститута, но меня влекла литературная среда. И я поступила в Литературный институт, сначала на семинар Александра Жарова, потом – Евгения Долматовского. По ходу учебы поняла насколько скуден мой жизненный опыт: детство, школа, общение с ровесниками – и все... А вокруг – огромный мир, и так хотелось его приблизить, узнать, что на третьем курсе я совершила дальнейшее морское путешествие. Я устроилась работать на теплоход дальнего плавания «Архангельск». Должность моя называлась «буфетчица», но нужно было не только еду команде подавать, а и посуду мыть, каюты, белье стирать... В морских трудах провела полгода. Сначала думала, что за летние каникулы успею и мир посмотреть, и написать что-то. Но рейс затянулся, и пришлось посылать радиogramмы в деканат: задерживаемся, стоим в таком-то порту на разгрузке... О своих приключениях я написала повесть «Завтра и всегда».

Мой первый маршрут был такой: Одесса – Босфор-Дарданеллы – Стамбул – Красное море – Бомбей – Калькутта – Рангун – Цейлон – Гибралтар – северные моря – Ленинград. В некоторых портах стояли долго. В Калькутте, например, шли тропические ливни. Так мы простояли чуть ли не месяц.

А когда прибыли в Балтийское пароходство, к которому был приписан «Архангельск», я увидела на доске почета свою фотографию. Правда, с нее смотрела полная блондинка, а я вернулась худющая, черная от загара...

– Во время плавания удавалось что-то писать?

-Нет, хотя некоторые стихи подписаны, к примеру, «Бомбей, число такое-то». На самом деле я вела дневник, а сборник под названием «В дороге» был написан уже потом, по возвращении.

— Нынешние выпускники Литинститута, получив диплом, попадают «в никуда»...

— И со мной так было. Я вышла замуж, родила дочку. Все свое время отдавала семье. Но при этом чего-то не хватало, поэзия притягивала, звала... Роль домохозяйки для меня — не полная жизнь.

— Да уж, после того, как вы весь мир объездили...

— Да, я много где побывала: Америка, Англия, Эквадор, Никарагуа, Перу... Но «страной моей жизни» стала Куба. Влюбилась в кубинскую революцию, в Фиделя Кастро. Причем любовь была такой, что без всяких курсов, по самоучителю, я выучила язык. И на Кубе, в других испаноговорящих странах понимала чужую речь и сама сносно изъяснялась. Местные жители даже удивлялись...

— Их, наверное, ко всему прочему, восхищал контраст между знанием испанского и вашей «нордической» внешностью...

— Возможно... Хотя однажды «блондинистость» мне помешала. В составе писательской делегации я была на Кубе и очень хотела подарить своему любимому Фиделю цветы, которые специально для него собрала в горах Сьерра-Маэстра. Но охрана отказалась передать букет из соображений безопасности: на Кастро тогда было много покушений. А когда я посетовала на это при личной встрече, Кастро сказал: «Из-за цвета волос они приняли вас за норвежку или шведку. А если бы знали, что русская, обязательно бы пропустили!»

— Ваши путешествия не всегда были безопасны?

— Мне довелось побывать в Никарагуа, когда сандинисты вели военные действия на границе с Гондурасом. Будучи ведущей

телеклуба «Москвичка», ездила во время афганской войны в Кабул, встречалась с Бабраком Кармалем. А потом нас повезли в Мисрабат. В этом кишлаке женщины взяли в руки оружие. Им пришлось защищать себя и детей, потому что все мужчины были на войне с душманами. Я написала об этом поэму «Дочери Арианы» (Ариана – древнее название Афганистана), которую перевели на дари и пушту и передавали по кабульскому радио.

– Вы, конечно, помните ахматовскую строчку: «Он говорил... что быть поэтом женщине – нелепость». Ощущали вы когда-нибудь проявление «мужского шовинизма» в отношении к поэтессам?

– Женщинам, безусловно, гораздо трудней пробиться в литературе, да и не только в ней. Мужчинам проще: взяли бутылку, сели, обсудили по душам. Женщинам надо учиться у них солидарности – в других формах, разумеется. Хотя по большому счету пол и возраст в поэзии не играют решающей роли. Мне дороги стихи Валентина Сорокина, Игоря Ляпина, Олега Шестинского, Геннадия Иванова, Максима Замшева, Ивана Голубничего...

– И ни одной женщины не назвали – где же солидарность?

– Виновата. Из поэтесс отметила бы Марину Струкову, Ольгу Фокину, Раису Романову, Татьяну Смертину... Хотя мало нас. Как сказано в моем стихотворении:

Только что-то,
русских женщин
Рядом нет, как ни гляди.

Женщины молчат. Хотя, возможно, кто-то и пишет, но трибуны, выхода к читателю им не дают.

– Да и читатели, кажется, не те, что раньше. Стихи не любят...

– Наш Союз писателей России время от времени устраивает поездки по стране, и я убедилась: поэзия поклонников не потеряла. Люди по-прежнему тянутся к стихам. Просто финансово

проводить такие встречи все труднее. Наше олигархическое государство поддерживает крупный капитал. А мы, поэты, – как народные сказители: идем от человека к человеку, а доступа к массовому читателю, как в прежние времена, не имеем.

– А как вы стали автором гимна Туркменистана?

– Я много переводила туркменских поэтов, часто бывала на этой земле. Поэтому когда бывшим союзным республикам потребовались свои гимны, меня пригласили в Ашхабад, и я написала текст. Выполнить все требования было непросто, но в конце концов я справилась и даже получила звание заслуженного работника культуры Туркменистана.

– А графский титул как получили?

– Вообще он передается по наследству, но сейчас потомственных дворян осталось очень мало. Поэтому международный монархический двор жалует титулы за какие-то заслуги. Под эту категорию попала и я. Конечно, никаких привилегий оно не дает – просто ощущаешь какую-то преемственность, родство с историей своего государства.

– На дворянских балах бывали?

– Несколько раз. Сейчас больше занята другим: я ведущая Ассамблеи деятелей культуры и представителей общественности «Времена года». После перестройки многие не могли найти свою социальную нишу, вот мы и решили встречаться раз в сезон, делиться своими успехами, обсуждать, спорить... Каждый раз собирается до сорока человек – Алла Баянова, Ирина Скобцева, Наталья Дурова, Вилли Токарев, Андриан Николаев...

– На стихи время остается?

– Пишу, можно сказать, активно: постоянно выходят книги, подборки. В этом году издан мой сборник «Дар соборности». Всего у меня вышло более полусотни книг, в том числе переводы. Я по-прежнему в дороге...

«Труд», № 176, 23 сентябрь 2003 года.